

314504

На дом из 504

к/п.
Иг

Н. РУБИНШТЕИН

ПОЛКОВОДЧЕСКОЕ
ИСКУССТВО
СУВОРОВА

ГИЗ

САРОБЛГИЗ

1942

Исторические традиции

Много славных полководцев знает мировая история, много славных полководцев знала в прошлом наша страна. Среди этих выдающихся полководцев прошлого Суворов занимает особое место, представляет особый интерес. Это определяется не только личными данными Суворова, вписавшего блестящие страницы в военную историю нашей родины и представляющего чуть ли не единственный пример полководца, не знавшего в своей длительной и богатой военными делами полководческой жизни ни одного поражения, но и прежде всего особым характером военной деятельности Суворова, его военного искусства, их особым национальным значением.

Историческое значение Суворова состоит в том, что он воплотил в своей деятельности подлинные национальные традиции русской армии, лучшие боевые традиции нашего народа. Он представляет эти обе линии исторической традиции: каждая из них имеет свою историю, но обе гармонически слиты, творчески объединены в военной системе Суворова.

Русская армия даже в этом большом историческом плане—сравнительно молодая армия. Армия в ее современном понимании, т. е. постоянная, регулярная армия, с военной выучкой, подготовкой и дисциплиной, возникла только при Петре I в начале XVIII века, и именно Суворов в середине XVIII века не только представляет, но и оформляет ее, дает законченное выражение ее лучшим традициям. Боевые традиции русского народа сложились много раньше, в тяжелые годы борьбы с иноземными захватчиками, не раз выпадавшие на долю нашей страны. Народный дух суворовской стратегии и тактики, военное искусство Суворова черпает свою силу именно в этой традиции, составившей основное жизненное начало нашей армии, в ее историческом развитии, в пройденном ею славном историческом пути. По определению одного из старых биографов Суворова, А. Петрушевского, «главная основа его системы — человек и духовная его сила». Суворов всегда дополнял это указанием на национальные, народные черты этой духовной силы — **русского человека, русского воина.**

Утверждение этой традиции неразрывно связывает Суворова с славными моментами в истории нашей армии; начало этой традиции связано с Петром I и полтавской победой, а ее дальнейшее развитие осуществлялось в отечественной войне 1812 г. прямыми учениками Суворова — Кутузовым, Багратионом, Милорадовичем. «Человек и духовная его сила» — составляли основу суво-

ровской системы. И именно эта идея звучит с особенной силой в обращении Петра I к армии перед полтавским боем. Это обращение — исключительный документ в истории всей царской России, пожалуй в истории всей Европы XVIII века (до французской революции 1789 г.). По словам представителя европейской военной мысли XVIII в., прусского короля Фридриха II, «если бы солдат знал, за что мы воюем, то нельзя было бы воевать». Петр I обращался именно к солдату, к народному духу армии, с верой в его силу: «Воины Се пришел час, который должен решить судьбу отечества! Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество...».

Надо отметить, что соответственно с этим он и в тактическом отношении принял за образец наиболее передовую военную организацию своего времени — организацию своего противника, шведской армии. Ее традиции сложились еще в первой половине XVII в. при Густаве-Адольфе, в годы тридцатилетней войны — разгрома шведами германской империи. Эта организация, оформленная в первом воинском регламенте, данном русской армии при Петре I, обеспечивала полное развитие и личной храбрости солдата и творческой инициативы военачальника. И в самой практике Петровской армии бросается в глаза ее внутренняя органическая связь с широкой народной войной против интервентов XVIII в. — шведов.

Однако уже после Петра, при его незадачливых преемниках, быстро сменявшихся на российском престоле в период 1725—1762 гг., эта национальная традиция вытесняется в русской армии другой системой, которая и в Зап. Европе идет на смену шведской системе и наиболее полно представлена и воплощена в системе прусской. Здесь есть тоже своя традиция, и эта традиция имеет свои национальные черты. Полностью воплощенные в XVIII в. в системе Фридриха II, они с аналогичной последовательностью сохраняются вплоть до гитлеровской фашистской армии наших дней, в которой они получают свое наиболее дикое и разнузданное выражение.

Если основу суворовской системы, традицию русской армии составляла и составляет идея человека и его духовной силы, то для прусско-германской системы наиболее характерной чертой является именно отрицание человека и его духовной силы. Это—пренебрежение к солдату как основной активной, действенной силе войны, соединенное с известным страхом перед его сознательным участием в событиях. Армия Фридриха II набиралась методами принуждения, спаивания, подкупа. Она держалась на системе палочной муштры, которая должна была заставить солдата механически, без понимания и рассуждения, выполнять приказы своего начальства. Отсюда — внимание к внешней форме, система парадов, господствовавшая в казарменном быту

солдата. Отсюда и та линейная тактика, которая господствовала в прусской армии—действие массой, числом. Пренебрежение к солдату было и пренебрежением к жизни солдата: жизнь солдат была не в счет, их гнали под огонь неприятеля, трупами солдат устилали пути военных походов армий XVIII века.

Русская армия испытала эту прусскую военную стратегию в походах Миниха, немецкого генерала на русской службе, в 30-е годы, когда десятки тысяч русских людей были уложены в русско-турецкой войне с минимальными конечными результатами для нашей страны. Система палочной муштры и внешней парадности упорно распространялась в русской армии в середине XVIII века. Положения кавалерийского устава 1755г. мало уступают прусской системе, вводимшейся Павлом I в конце века. «Каждому кирасиру и драгуну, — предписывалось этим уставом, — надлежит как возможно стараться усы отращивать, которые бы всегда в строях и караулах подчесаны и подчернены были, а у гренадер конных можно усы, как возможно длинно вырастая, по щекам заворачивать. У кого же по молодым летам натуральных усов еще нет, то употреблять таким образом накладные...».

Значительно меньше внимания уделялось внутренней организации русской армии. Численность русской армии со времен Петра I возросла примерно в 3 раза и составляла в середине века до 330.000 человек. Но даже ее командный

состав не отличался образованностью. Специальные шляхетские корпуса стали выпускать обученных офицеров лишь с конца 30-х годов, причем качество получавшегося ими образования оставляло желать многого, а общий итог их деятельности к середине 50-х годов едва ли превышал 1500—2000 человек. Еще хуже обстояло дело с подготовкой военно-инженерных кадров, значение которых так хорошо понимал Петр I, заведывавший в России первые артиллерийские и инженерные школы. К середине века вся армия располагала инженерным корпусом, насчитывавшим всего до 1300 человек. Наконец о состоянии медицинского дела лучше всего свидетельствует отчет 1757 г. — второй год участия России в семилетней войне; в списках за один этот год свыше половины действующей русской армии числилось больною!

Суворову пришлось создавать и проводить свою военную систему именно в борьбе с прусским духом, насаждавшимся в русской армии, в борьбе с прусской системой за утверждение национальной традиции.

Годы учения

Суворовская система была результатом большой и серьезной школы, пройденной Суворовым, в которой он сам был главным руководителем. Эта школа в значительной мере связывает Суворова все с той же народной петровской традицией.

Отец Суворова, Василий Иванович Суворов, прошел Петровскую школу, был в полном смысле слова петровским выучеником. В молодости он состоял при Петре I в денщиках, получил специальное образование, знал языки и инженерное дело, переводил сочинения по военному инженерному делу, дослужился до чина генерала и был членом военной коллегии. Александр Васильевич Суворов родился около 1730 г.; точная дата не установлена. По слабости здоровья он сперва не предназначался отцом к военной карьере, но уже с детства пристрастился к военной литературе. Расширению военного кругозора помогало и неплохое общее образование. Сам Суворов в своей автобиографии, составленной около 1786 г., так характеризовал свою общую подготовку: «Что до моих наук, они состоят в математике, части философии, географии, истории, языках немецком, французском, итальянском, польском, турецком с малой частью арабского и персидского, финском».

В военной литературе мальчик Суворов искал уже тогда не только интересное чтение о военных приключениях, — он изучал образцы военного искусства. Впоследствии товарищи отца вспоминали, как они заставляли мальчика лежащим на большой карте и серьезно разбирающим военные походы древних и новых полководцев, о которых он читал в своих книгах.

Теоретической подготовке, военному образованию полководца Суворов всегда придавал

большое значение. «Генералу необходимо непрерывное образование себя науками», писал он в 1793 г. австрийскому генералу Карачаю, с которым сражался против турок в 1789 г. О том же твердил он всегда своим младшим товарищам, подчиненным ему командирам. В его деловой переписке по начальству мы часто встречаем ссылки на исторические примеры. Учиться в этом смысле сам Суворов не переставал до конца своей жизни, следя за развитием военной истории и последовательно расширяя список выдающихся полководцев, в числе которых уже в 1797 г. появляется и Наполеон, военная слава которого только начиналась.

В одной из записей 1797 г. Суворов как бы обобщает это положение: «Возьми себе в образец героя древних времен,—пишет он,—наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони—слава тебе!» И тут же добавляет о себе: «Я выбрал Кесаря» (т. е. Цезаря).

Теоретическую подготовку Суворов дополнил практической школой службы в армии. И здесь Суворов значительно отошел от современной ему практики. В свое время Петр I, издавая табель о рангах, потребовал, чтобы каждый командир начинал службу с самых низших чинов, проходил полную практическую школу. Так прошла служба отца Суворова. Но затем русское дворянство научилось обходить этот петровский закон. Сыновья дворян, близких ко двору, еще в малолетстве записывались в армию и чи-

ны шли им вместе с годами. К 20-ти годам они числились уже в старших офицерских чинах, еще ни разу не побывав в армии, и нередко к 25—26 годам достигали чина генерала. Александр Суворов, в строгом соответствии с петровскими правилами, вступил в армию 15-ти лет, в 1745 г., и 9 лет провел в казарме, разделяя с солдатами все тяготы строевого учения и строевой службы. И эта практическая школа имела немалое значение в формировании Суворова-полководца. Здесь он узнал русского солдата, его духовные силы и военные качества, нашел общий язык с солдатом, научился устанавливать ту личную связь между командиром и войском, в которой лежал источник особой силы суворовской армии. «Надлежит, чтобы воины предводителя своего разумели»,—записывал Суворов в своей автобиографии. Из этой школы вынес он и другой, уже отрицательный вывод—относительно самой системы, действующей в русской армии, в ее организации и обучении.

Из казармы Суворов вышел в 1754 г. в первом офицерском чине поручика, в возрасте около 25 лет, когда, как указано выше, его сверстники получали уже генеральские или по крайней мере высшие офицерские чины.

Для завершения суворовской школы требовалась проверка системы в действии. «Никаких баталий в кабинетах выиграть не можно и теория без практики мертва»,—писал впоследствии Суворов в своей упоминавшейся выше автобио-

графии. Такой проверкой явилось участие России в Семилетней войне в 1756—1761 гг. В этой войне Россия выступала против Пруссии в союзе с Австрией и Францией. В то время Пруссия считалась одной из самых сильных военных держав в Европе и нанесла крупные поражения и Австрии и Франции. Но в боях с русскими войсками немцы были разбиты при Кунерсдорфе и Гросс-Егерсдорфе, а в 1760 г. русские войска заняли Берлин, и Пруссия была на волосок от политического банкротства. Ее спасла от гибели лишь смена на русском престоле, доставшемся в конце 1761 г. Петру III, голштинскому принцу, внуку Петра по материнской линии, но по самому духу — мелкому ограниченному немецкому князьку. Горячий поклонник Фридриха II, он поспешил заключить с ним мир и вернул Пруссии все завоевания русского оружия.

Современник Суворова Болотов, участник Семилетней войны, оставивший интересные «Записки», дал отчетливую оценку действий русской армии в Семилетней войне: «Победа сия одержана была не искусством наших полководцев, которых и в помине не было, а паче отменною храбростью наших солдат». В этой войне Суворов участвовал еще на подчиненных ролях, хотя в ряде частных операций уже проявил свои качества боевого командира. Зато он извлек все практические выводы из своих наблюдений. Именно в это время завершается его собственная военная система.

Вскоре после окончания войны Суворов получил в командование Астраханский, а затем Суздальский полки. В эти же годы впервые встретился с Суворовым Кутузов, служивший в Астраханском полку под начальством Суворова и здесь получивший первые начала суворовской школы. В Суздальском полку суворовская система обучения и организация армии нашла свое первое оформление в специальной инструкции, получившей по имени Суздальского полка и свое название «Суздальского учреждения». В 90-х годах она была окончательно оформлена в «Науку побеждать» Суворова; но ее основные положения даны в «Суздальском учреждении». Именно поэтому мы вправе отнести уже к 60-м годам оформление суворовской системы и именно в ней мы должны искать один из основных источников изумительных побед Суворова.

Наука побеждать

В чем состоит, по Суворову, «Наука побеждать»?

Прежде всего необходимо отметить, что всем своим содержанием «Наука побеждать» обращена не только к командиру, но и к каждому воину. Этим определился стиль и язык книги: краткая, простая в своем изложении, она написана простым, доходчивым языком, хорошо запоминающимися определениями. В одном из подзаголовков значится: «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом». Сам Суво-

ров неоднократно подчеркивал, что «солдат учение любит, было бы с толком», и учил «разговору с солдатами их языком». Но особенности стиля Суворова нередко вводили в заблуждение отдельных историков и биографов. Они выхватывали отдельные суворовские афоризмы и за этими отдельными частными положениями не видели сущности суворовской системы.

Суворов начинает с обучения самого солдата и прежде всего обращается к его непосредственной подготовке — физической и технической выучке. С самого начала уже в общей постановке этого вопроса бросается принципиальная разница суворовской постановки вопроса от порядка, господствовавшего в армиях XVIII в. Суворову важна не внешняя выправка солдата, красивый вид, нужный для парада, — он часто осмеивает эту сторону. Учить надо не для парада, а для боя. Отсюда вытекало основное требование: «на ученьи, как в походе». И Суворов записывает в «Науке побеждать»: «Легко в ученьи, тяжело в походе; тяжело в ученьи, легко в походе». Эти слова были вписаны в книжку красноармейца на 1918 г., их неоднократно напоминал нашим красноармейцам маршал Советского Союза тов. Тимошенко. Отсюда вытекала еще одна характерная черта: Суворов требовал максимальной простоты, удобства выполняемых приемов для солдата; он возражал против обременения его ненужными тяготами для внешней красоты на параде.

Физическая тренировка должна была выработать у солдата необходимую выносливость и прежде всего приучить его к походным маршам. «Победа зависит от ног» — гласил афоризм Суворова; «быстрота и внезапность заменяет число», пояснял он это свое положение. Готовность к быстрым и длинным переходам имела особое значение в условиях прежних войн, когда все передвижения совершались пешим порядком, и при значительной разбросанности фронтов, на которых приходилось действовать русским армиям. Суворов приучал своих солдат к быстрым переходам — нормальный переход составлял 30 км в день; к преодолению любых трудностей местности и любых природных условий — в летний зной, под осенним дождем, в зимнюю стужу. При этом сам он всегда разделял с полком все трудности перехода, подавая личный пример и солдату и командиру. Однако физическая тренировка, маршировка — лишь первый шаг в подготовке солдата. За нею следует техническая выучка. И здесь опять нередко хватаются за суворовскую формулу: «пуля дура, штык молодец», — и к прославлению штыкового боя спешат свести всю военную мудрость Суворова. Но и в данном случае надо учесть прежде всего исторические предпосылки этой формулы. В XVIII в. огнестрельное оружие было еще очень несовершенно. Артиллерия стреляла с достаточной точностью прицела на расстоянии не более 300—500 шагов. Дистанция прицельной стрель-

бы из ружья определялась примерно в 60—70 шагов; при этом ручная система заряда, по одному патрону каждый раз, приводила к перерывам в стрельбе, во время которых враг успевал в ряде случаев преодолеть небольшое расстояние с относительно ограниченными потерями.

С другой стороны, Суворов правильно оценивал особые личные, национальные качества русского солдата, этого «чудо-богатыря», как он сам его называл. Наделенный исключительным мужеством, хладнокровием и стойкостью в бою, русский солдат не знал себе равного в штыковом бою, в бою рукопашном. «Натиск — атакуй холодным оружием, коли пехота в штыки, конница тут и есть!» — так учил Суворов. Он заявлял: «Штык, быстрота и натиск суть вожди России». Именно эта связь с национальными качествами русской армии придала особую жизненность этому положению суворовской стратегии. Именно поэтому в наше время небывалой военной техники, «войны моторов», — русский штыковой бой сохранил все свое военное значение. Не хуже суворовских солдат войны Красной Армии в мощном штыковом бою не раз обращали в бегство армию фашистской Германии, рассеивая окружавший ее до того ореол мнимой непобедимости.

Наконец нельзя не отметить, что в общей стратегической системе Суворова штыковой бой приобретал еще известную дополнительную, специальную функцию. Одна из особенностей суво-

ровской стратегии состояла, в частности, в том, что врага надо было не просто разбить, но и добить, разгромить его до конца, а это давалось уже только штыковым боем. В связи с этим штыковой бой в общем развитии военной операции приобретал завершающее значение: «марширование, повороты, скорый выстрел и конец — удар штыком»; и, наконец, «когда неприятель бежит, провожать его огнем». Таковы действительные элементы боя в их последовательном соотношении.

Суворов отнюдь не склонен недооценивать роль огневого боя. С той же определенностью и четкостью он заявляет—«пехотные огни открывают победу». В обучении солдата, в пред'являемых к нему требованиях этим вопросам отведено свое надлежащее место. «Средляй редко, да метко», таково требование, пред'являемое солдату. Особое внимание уделяется этому вопросу в инструкции по обучению егерей, т. е. легких стрелков. И в этой инструкции снова бросается в глаза та же практическая установка—приноровленность к требованиям боевой обстановки: «Относиться с оружием и держать его в чистоте, не простирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающего труды, бесполезные солдату... Обучать заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно, скоро... Приучать к проворному беганью, подпалзывать скрытыми местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни, кусты, возвы-

шения и, укрывшись, стрелять и, лежа на спине, заряжать ружье... учить также стрелять из пистолета, показав им меру выстрела, дабы понапрасну не стреляли на дистанции, куда пистолет не доносит...».

Вся эта физическая и техническая подготовка солдата в системе Суворова получала свое действительное завершение и вместе с тем свой настоящий и прочный фундамент в воспитании сознательности солдат, в усвоении ими учения. Солдат должен быть сознательным участником каждой боевой позиции. Суворов выражает это в яркой и четкой формуле: «Каждый воин должен знать свой маневр», т. е. свое место и роль в каждом деле. «Ученье свет, неученье тьма», напоминает Суворов старую народную поговорку и тут же добавляет: «за ученого трех неученых дают; нам мало трех, давай нам шесть, нам мало шесть, давай нам десять на одного, всех побьем, повалим, в полон возьмем». Дух старой армии исключал сознательность солдата; солдат не имел права рассуждать. На всякий вопрос начальства он обязан был отвечать установленной формулой—«не могу знать». «Немогузнайка, — пишет Суворов, — хуже противника и может погубить всю армию»; «от немогузнайки было много бед»; «за немогузнайку офицеру арест».

И для Суворова это не общий принцип, а основа повседневной практики. При каждой крупной операции он пишет подробную инструкцию и требует ознакомить с ее содержанием

каждого солдата. В 1799 г. во время итальянского похода, в чуждой ему обстановке австрийской армии, Суворов издает в Валеджио приказ по армии:

«План операционный в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков, везде расчет времени... Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр...».

Эта мысль доводится Суворовым до конца, без всякого компромисса. «Я вправо, должно влево—меня не слушать», «я велел вперед, ты видишь—не иди вперед». Так кладется конец механическому исполнению приказа. На место этого ставится сознательность и самостоятельность подчиненного, лишь бы он умел отвечать за свои действия.

Вопрос о солдате завершался заботой о его быте и здоровье. И это было совершенным новшеством в условиях феодального крепостного строя XVIII в. Суворов требует заботы о питании солдата, заведения походных аптек и больниц. «Солдат дорог, береги здоровье. Кто не бережет людей—офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору—палочки, да и самому палоч-

ки, что себя не бережет». Мы не знаем, случилось ли Суворову применять это наказание, но характерно, что во всей системе Суворова это единственное место, где он упоминает «о палочках», хотя и в такой подчеркнуто смягченной, полусушительной форме.

Там, где кончался вопрос о солдате, начинался вопрос о командире и его качествах. Часто источник успехов Суворова хотели свести к храбрости и удачеству его солдат. Даже Наполеон признавал за Суворовым только сердце, волю, но не ум полководца. Суворов сам отвечает на это с предельной четкостью: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, если не будут истекать из искусства». Если часто быстрота заменяет число, то не менее решительно другое положение Суворова, обращенное к генералу Карачаю—«бить не числом, а умением». Это умение опирается на знание, и не случайно самое изложение своей системы Суворов назвал «наукой побеждать»: военное искусство — это наука. Современники Суворова, завидуя его славе, хотели объяснить эти успехи удачей, счастьем. «Сегодня счастье, завтра счастье,—отвечал Суворов,—надо же когда-нибудь и умение». Сам он прекрасно определил источник этого «счастья». «Я был счастлив, потому что повелевал счастьем».

Соответственно этому Суворов выделяет три основных качества полководца — «три воинских

319304
искусства»: глазомер, быстроту и натиск. И снова, в стремлении к дурному упрощенству, в литературе очень часто опускают первое звено и стараются все свести к «быстроте и натиску», к какому-то своеобразному удалству. В понимании самого Суворова первое и главное—это именно глазомер. В письме Карачаю он неоднократно требует от полководца—«изощрения глазомера», «изощрения взгляда». Сущность глазомера — умение правильно определить главного врага и решающее место для удара, умение правильно учесть и использовать условия местности и боевые качества своего противника. «Истинное правило военного искусства,—писал Суворов австрийскому генералу Готце, готовясь к швейцарскому походу в 1799 г., — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны». При этом надо избирать для удара главное, решающее направление, но в то же время найти на этом направлении слабейшую сторону противника. В своей автобиографии, часто звучащей как наставление и завет, Суворов пишет: «Неприятелю времени давать не должно, пользоваться сколько можно его наименьшей ошибкой и брать его всегда смело с слабейшей стороны...». Только тогда, когда решена эта задача, выработан правильный стратегический план, выступает требование «быстроты и натиска»—быстроты в его осуществлении, настойчивости в доведении его до намеченной конечной цели.

Суворов последовательно разбирает основные теоретические принципы военного искусства в их практическом приложении — в полевой баталии, в штурме крепости, в боевом построении войска, в соответствии с разным характером противников. В письмах Суворова мы находим дальнейшее развитие и конкретизацию этих положений, а в его военной практике — их прямые образцы. В этих высказываниях Суворов выступает новатором в военном деле.

Его первое новшество — введение колонного строя с глубоким эшелонированным (ступенчатым) построением. Во времена Суворова господствовал линейный строй, особенно характерный для прусской системы. Вся армия была сведена к общему линейному строю, продвигаясь единой нерасчлененной массой, с выделением только легких конных частей на флангах. Колонная система расчленяет эту единую массу и тем самым достигает гибкости и маневренности построения армии. Обычное построение в бою — шестью колоннами, по две в ряд, тремя последовательными рядами, уходящими вглубь. Это обеспечивает прежде всего инициативу начальника каждой колонны и маневренность ее. Это создает двойной ряд маневренных резервов, используемых полководцем по мере развертывания боя и в соответствии с его ходом. Колонное построение войск мы находим и у младшего современника Суворова — Наполеона; таково было и

построение русской армии в борьбе с Наполеоном в 1812 г. на Бородинском поле.

Суворов отвергает и другой традиционный принцип своего времени — кордонную систему крепостных укреплений. Во время итальянского похода, 18 мая 1799 г., он писал из Турина в Россию графу Разумовскому, критикуя австрийские военные планы:

«Дефенсив — офенсив (оборона — наступление. — Н. Р.)... По первому славен Лассиев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле; в нем много хранительных пунктов; слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньше его силы, ударяя в один, препобеждают». И ту же мысль он излагал тогда же в другом письме: «Кордонная линия всегда может быть опрокинута: неприятель по своему усмотрению устремляет силы на один пост, между тем как обороняющийся, оставаясь еще в неизвестности, имеет свои силы рассеянными».

Выступая против создания собственных укрепленных оборонительных линий крепостей, Суворов отвергает и необходимость осады и занятия отдельных неприятельских крепостей, видя в этом нецелесообразное распыление и растрачивание своих сил, которые должны быть сосредоточены для основной задачи — разгрома живой силы противника. Только в единичных случаях соображения особого рода могут побуждать к занятию крепости: «В осадах времени не терять, разве какой-нибудь Майнц, как складочный

пункт». Но и в таком случае «приступ предпочтительнее осады»; Суворов покажет это впоследствии при взятии Измаила. Он рекомендует не раздроблять сил для занятия отдельных пунктов, а выставлять небольшой заслон и продвигаться вперед. В этих советах невольно чувствуется предвидение будущего, поражающее созвучие современности.

И еще одно положение вводит Суворов в стратегию войны — это мысль о преследовании врага и его завершающем разгроме. Надо не только победить врага, надо его разгромить: «Преследовать врага денно и ночью, пока истреблен не будет» — требует Суворов, ибо «недорубленный лес опять возрастает».

Наконец, ничего не упуская из поля своего зрения, Суворов не забыл и вопроса об отношении армии к населению занятой территории. «Обывателя не обижай, — записывает он, — он нас поит и кормит, солдат не разбойник». Эти слова написаны в XVIII в., когда кормить армию за счет грабежа населения было делом обычным. Они звучат особенно сильно сейчас, когда фашистские варвары своими невиданными насилиями и безудержным грабежом далеко оставили позади грабительскую практику своих предков.

Таково исключительное богатство содержания этой маленькой по объему книжки, носящей название «Наука побеждать». И в этой «Науке побеждать» — действительная основа изумитель-

ных побед Суворова. Он был счастлив, потому что повелевал счастьем.

При этом Суворов, учитывая опыт предыдущих полководцев, всегда оставался самым собою, до конца оригинальным полководцем. В одном письме 1794 г. Суворов так охарактеризовал свои качества полководца:

«Предначертания, обдуманые с большим напряжением и исполненные еще с большей энергией, нередко с упорством и отчасти с крайним и неотлагательным пользованием непостоянным временем; все это, облеченное в собственную мне форму, часто доставляло мне победу над изменчивою богинею счастья».

Боевой путь

Военная биография Суворова исключительно богата событиями, совпав с напряженным периодом в истории России, отмеченным многими войнами. С Семилетней войной связано его первое боевое крещение, принесшее ему и первую славу. В 1768 — 1772 гг. он сражался в Польше и одержал две крупных победы при Ланцкороне и Сталовичах. В 1773 — 1774 гг. он участвовал в последнем этапе первой русско-турецкой войны, дважды брал важную турецкую позицию у Туртукая и, наконец, с отрядом в 8000 человек разбил при Козлудже сорокатысячную турецкую армию. Но подчиненное положение в армии связывало его полководческий талант: он одерживал победы, но командование

армии оказывалось неспособным реализовать результаты этих побед.

В 1774—1787 гг. наступает перерыв в военных операциях. Но это—годы большой военно-организационной работы Суворова по формированию армии на Кубани, по строительству укреплений, по военному освоению Крыма; в Крыму снова встретились Кутузов и Суворов. С 1787 г. по 1791 г. происходила вторая война с Турцией; и снова каждый год отмечен крупной боевой операцией Суворова: 1787 г.—оборона Кинбурна, 1788 г.—осада Очакова, 1789 г.—победы при Фокшанах и Рымнике, 1790 г.—штурм и взятие Измаила.

Затем снова следуют годы военно-организационной работы: в 1791 — 1792 гг. на границе Финляндии, в 1792 — 1793 гг. под Херсоном. В 1794 г. Суворов снова сражается в Польше; 6 ноября штурм и взятие Праги (варшавской крепости) закончило кампанию и принесло самому Суворову звание фельдмаршала.

В конце 1796 г., со смертью Екатерины II, на престол вступил Павел I, ограниченный самодур, вернувший армию к прусской системе. Суворов не мог ужиться в условиях казарменного строя. Глядя на солдат в новой форме, в натудренных париках с косами, он насмешливо говорил: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, и я сам не немец, а природный русак». Строптивного полководца ждали опала и ссылка в его маленькое имение—село Кончанское. Толь-

ко военная опасность, созданная в Европе походами наполеоновской армии, вернула Суворова из ссылки. Когда образовалась коалиция России, Англии и Австрии, то по настоянию Англии командование основными сухопутными силами было передано в 1799 г. Суворову, пользовавшемуся уже в то время европейской известностью. И Суворов, в то время старик 70 лет, совершил, может быть, самый замечательный из своих походов: в 5 месяцев он завоевал всю Ломбардию, разбив трех крупнейших французских генералов наполеоновской армии — Моро, Жубера, Макдональда, и завершил свой поход легендарным переходом через Альпы.

За 40 лет Суворов провел не менее 30 сражений и из всех сражений вышел победителем.

Конкретное описание некоторых наиболее характерных операций Суворова лучше всего раскроет сущность его стратегии и тактики.

Оборона Кинбурна

Расцвет военной славы и военно-стратегические успехи Суворова ярко отражены во второй русско-турецкой войне 1787—1791 гг. Правда, уже в первой русско-турецкой войне он дал не один блестящий образец своего исключительного военного искусства (например, Туртукай, Козлуджа), но в реализации своих военных планов он еще слишком был связан своим подчиненным положением в армии и ревнивым отношением его начальников к его военной славе.

И во второй русско-турецкой войне он еще находился в подчинении, но значительно бóльшая свобода действий позволила ему развернуть свой полководческий гений в самых разнообразных военных ситуациях, при разрешении самых различных военно-стратегических задач.

Самое начало войны застало Суворова комендантом Кинбурнской крепости. Это один из немногих случаев, когда Суворов выступает в положении обороняющегося. Тем интереснее проследить особое суворовское решение задачи обороны крепости.

Расположение Кинбурнской крепости придавало ей исключительное стратегическое значение. Она стояла у основания длинной песчаной косы, выступавшей к западу примерно на 8 км и закрывавшей с юга вход в лиман (закрытый залив), образуемый устьями Днепра и Буга. На противоположном берегу, у входа в залив, против западной оконечности косы, была расположена турецкая крепость—Очаков. Кинбурн перешел к России по Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г., за 13 лет до начала новой войны, и закрыл турецким судам вход в реки Буг и Днепр. В то же время Кинбурн господствовал с севера над глубоким заливом, образуемым Черным морем между материком и Крымским полуостровом, являясь тем самым важной стратегической базой в нашей системе обороны Крыма. Эта база имела тем большее значение, что Крым был присоединен к России лишь в 1783 г., Се-

вастопольская гавань только-что создавалась, а русский флот в Черном море был еще слаб (вдобавок, в самом начале войны он пострадал от сильной бури), и преобладание в Черном море пока оставалось за Турцией. Именно поэтому, начав войну 13 августа 1787 г., турки уже в сентябре произвели демонстрацию перед Кинбурном, а 1 октября к Кинбурнской косе подошел значительный турецкий флот с десантом численностью около 5.500 отборных турецких солдат — янычар.

Суворов располагал гарнизоном, насчитывавшим всего около 3000 человек, однако прошедших настоящую суворовскую школу. Офицеры, известившие Суворова о турецком десанте, ждали, что он немедленно двинет наличные силы, чтобы попытаться воспрепятствовать его высадке.

«Пусть все вылезут; будем бить всех сразу», — так — в виде своеобразного удалства — передают решение Суворова. Но в действительности решение Суворова определялось глубоким и верным стратегическим расчетом. Выведя свои войска к западному краю косы, он поставил бы их под обстрел артиллерии вражеских судов, удаляясь в то же время от артиллерийского прикрытия собственной крепостной артиллерии. Поэтому такая операция была бы сразу обречена на неудачу и в то же время ставила бы под угрозу дальнейшую оборону крепости. Суворову надо было дожидаться ухода турецкого флота.

Расчеты Суворова оправдались. Когда турецкие суда закончили высадку десанта, они тотчас же отошли от берега, чтобы усилить наступательную энергию янычар, которые должны были знать, что у них нет пути к отступлению. Впрочем часть турецких судов, пройдя в залив, приблизилась затем с севера к косе и стала обстреливать с фланга русские войска. Но здесь они натолкнулись на ответный огонь русской крепостной артиллерии, уничтожившей 2 неприятельских судна. Затем отважный командир галеры «Десна» лейтенант Ломбардо, грек по происхождению, смелой атакой турецкого флота с фланга заставил его отойти.

В то время как высадившиеся турецкие войска стали продвигаться к крепости под прикрытием сооружаемых на ходу легких окопов, Суворов вывел свои войска и расположил их в боевом порядке. В соответствии с принятой им системой построения, он расположил пехоту тремя последовательными линиями по 2 колонны в каждой, а на левой стороне в южной части косы поставил конницу. Турки вывели 16 линий окопов и стали быстро приближаться к крепости. Тогда сразу вступила в действие вся крепостная артиллерия, а затем была введена в бой первая линия русской пехоты под личным руководством Суворова, поддержанная конницей. Стремительной атакой русские смяли турок и сразу овладели 10 линиями турецких окопов, отесняя янычар к западному краю косы.

Только здесь опомнилось турецкое войско. Грозная опасность безвыходного положения придала им энергии, сосредоточение значительных сил на небольшом участке повысило их боеспособность. Перейдя в контратаку, они в свою очередь значительно потеснили русские войска. Тогда Суворовым были введены в бой полки второй линии, и завязался длительный и упорный бой. Сам Суворов находился все время на поле боя, в самых опасных местах; он был ранен, но не оставил сражения и продолжал руководить операциями. Введя в решительный момент третью группу войск—последние резервы, оставшиеся под прикрытием крепости и подтянутые из ближайшего тыла в самом начале операций, Суворов решил конечный исход боя. Не выдержав натиска свежих резервов, янычары покатались назад. «Солнце было низко—я обновил третий раз сражение»,—так определил конец операции сам Суворов. Разгром противника был полный. Бой закончился около полуночи; турки были сброшены в море. Лишь ничтожные остатки их войска добрались ночью к турецким судам. От всего турецкого войска осталось едва ли несколько сот человек, большей частью раненых. Русским достались большие трофеи. Сам Суворов в донесении отмечал боевую храбрость противника: «Какие молодцы! с такими я еще не дрался». Но одержанная победа тем более свидетельствовала о правильности принятого Суворовым метода активной обороны: «Ежели

бы мы не ударили на ад, клянусь богом, ад бы нас здесь поглотил».

Битва при Рымнике

В битве при Рымнике Суворов дал один из образцов полевого боя; она закрепила полководческую славу Суворова и принесла ему титул графа Рымникского. Сражение разыгралось осенью 1789 г. (11 сентября) на территории нынешней Румынии, в то время подвластной Турции. С лета 1789 г. Турция накапливала силы к северу от устья Дуная, готовясь развернуть крупные операции против австрийских и русских сил, выступавших в союзе против Турции. К началу сентября турки сосредоточили здесь значительную армию, насчитывавшую около ста тысяч человек. Им противостояла австрийская армия численностью 18 000 — 20 000 человек под командой принца Кобургского, расположенная у местечка Фокшаны, а на расстоянии около 80 км к северо-востоку было расположено около 12 000 русского войска, составлявшего правый фланг русской армии.

Суворов предвидел развитие событий. Еще 21 июля, примерно в аналогичной ситуации, та же русская армия Суворова, объединившись с армией Кобургского, разбила при Фокшанах передовую часть турецкой армии, насчитывавшую около 40 000 человек. Суворов предполагал тогда же развить достигнутый успех и, пе-

рейдя в наступление, завершить разгром врага. Но осуществление планов Суворова было остановлено распоряжением главного командования, и войска Суворова были оттянуты назад на их первоначальные позиции, в то время как австрийцы остались на рубежах, добытых одержанной победой.

Теперь, когда турецкая армия всей сосредоточенной массой выступила против австрийцев, рассчитывая разбить противника поодиночке, австрийский командующий, как и за 2 месяца до того, срочно послал к Суворову с просьбой о помощи.

Суворов, уже извещенный через собственных разведчиков о движении турок, немедленно выступил с 7 000 войска и в 36 часов прошел 80 км, отделявших его от австрийцев. Движение было сделано так скрытно и с такой быстротой, что, когда турецкий лазутчик донес о появлении Суворова, турецкий паша счел это вымыслом, порожденным страхом перед грозным русским полководцем, и разведчика казнили за ложные сведения перед турецким войском.

Тем временем Суворов, тщательно ознакомившись с расположением противника, немедленно выработал подробный план операции. Принц Кобургский, оценивший полководческое искусство Суворова уже в битве при Фокшанах, безоговорочно подчинился его военному решению.

Турки занимали исключительно выгодную

позицию, прикрытую с севера речкой Рымной, с юга речкой Рымник, текущими с запада на восток и впадающими в реку Серет. На левом фланге линия обороны турок дополнялась речками Сливник и Ельник, впадавшими в р. Рымник, и замыкалась лесом Каята между Ельником и Рымной. Местность на правом фланге, овраженная и заболоченная, была совершенно непроходимой. Центром расположения турецкой армии являлась плоская возвышенность у леса Крингу-Мейлор, господствующая над всей окружающей территорией и составляющая как бы естественное укрепление, на котором и расположился главный лагерь турок, обращенный лицом к северу, к р. Рымне, откуда турки ждали наступления основных сил врага.

Суворов решил двинуть в этом направлении численно более значительную австрийскую армию, в то время как лучше тренированная для сложных маневренных операций русская армия в 7000 человек должна была совершить обходное движение и зайти в тыл левого фланга турецкой армии. В ночь на 11 сентября австрийская и русская армии перешли речку Рымну. Впереди, фронтом против лагеря турок, расположились австрийские войска. Русская армия повернула вправо, вверх по Рымне, и здесь ударила по выдвинутому вперед авангарду турок, закрепившемуся у деревни Тыргокукули числом около 18 000 чел. Сломив неприятеля, несмотря на его численное превосходство, и разбив стремительно

брошенные значительные силы турецкой конницы, русские овладели укрепленной позицией турок у деревни Тыргокукули и затем двинулись дальше в сторону единственно доступной для обходного флангового движения узкой долины реки Сливник. Часть русских войск — легкие стрелковые части егерей — просочилась прямо через лес Каяту, главные силы обошли его с запада и затем соединились позади леса уже во фланге турецкой армии. Эта первая часть намеченной Суворовым сложной операции была завершена уже к 1 часу дня.

К этому времени положение австрийцев значительно осложнилось под давлением превосходящих сил турок. Появление Суворова на правом фланге турок сулило им долгожданную помощь. Но в это время именно глазомер полководца Суворова подсказал иное решение стратегической задачи. Вправо от русской армии, дальше в глубь расположения турецких сил, на их правом фланге, у деревни Бокса (или Быча) открывалось расположение турецкой артиллерии, лишенной серьезного прикрытия с этой стороны, откуда турки всего менее ждали нападения врага. Встревоженные австрийцы внезапно увидели, что русский корпус снова отделился от поля боя. Но расчет Суворова был точен. Хотя двигаться приходилось по открытой местности, под прямым обстрелом турецкой артиллерии, вся операция была выполнена с исключительной стремительностью и быстротой. Натиск русских

войск опрокинул турецкий заслон, и после короткого обстрела картечью, одновременной атакой тремя колоннами русские войска коротким штыковым ударом завладели и этой позицией.

Занятие дер. Боксы выводило русские войска непосредственно в тыл турецкой армии, сражавшейся с австрийцами, и ставило под угрозу ее коммуникационные линии. Тем самым оно предрешало исход основного боя: главные силы турок стали спешно отходить к центральной позиции на возвышенности у Крынгу - Мейлор. Естественные выгоды этой позиции дополнялись специальными укреплениями — валом и рвом, сооруженными вокруг лагеря. Но турки настолько были уверены в своем успехе при огромном численном превосходстве своей армии, что их оборонительные работы велись вяло и не были еще закончены. Суворов вообще любил говорить солдатам: «вал не высок, ров не тлубок» — подразумевая под этим, что нет такого вала и такого рва, которых нельзя было бы преодолеть. Но в данном случае это выражение полностью соответствовало действительному положению вещей. Глазомер полководца опять подсказал Суворову неожиданное и совершенно новое решение задачи — овладеть лагерем противника. Вместо обычного в таких условиях штурма укреплений массами пехоты, вынужденной пробиваться под обстрелом защищенного противника, Суворов применил конницу. В расстоянии около полуверсты от турецких окопов пехота внезапно

расступилась и пропустила вперед русскую и австрийскую конницу. Коротким рывком конница перескочила через узкие рвы, взлетела на вал и врезалась в ряды оборонявшей вал турецкой пехоты. Используя созданное в рядах защитников замешательство и смятение, вслед за конницей двинулась пехота и уже без особых препятствий ворвалась в лагерь врага. Эта последняя операция блестяще завершила все сражение при Рымнике. Огромная турецкая армия была полностью разгромлена, лишь небольшая часть в беспорядке бежала на юг.

Так, ясность глазомера, четкость диспозиции, быстрота исполнения принесли победу над численно превосходящими силами врага и обеспечили выполнение одного из любимых положений Суворова — «бить не числом, а умением».

Штурм Измаила

Если в деле под Кинбурном Суворов выступил в положении обороняющего крепость, то под Измаилом он дал блестящий образец наступательной операции — штурма крепости. Мы видели, что Суворов был противником длительных затяжных операций по осаде крепостей, предпочитая в случае необходимости решать дело штурмом.

В его военных правилах есть и общая инструкция о порядке производства штурма:

«Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги, прыгай через палиса-

ды, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, очищай колонны! Стреляй по головной! Колонны, лети через стену на вал, окапывай на валу, вытягивай линию, ставь караул к пороховым погребам: отворяй ворота коннице. Неприятель бежит в город: его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо; недосужно за ним ходить. — Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах. Конница, руби. В дома не ходи, бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел. Занимай площадь, ставь гаубвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам».

Под Измаилом Суворов эту инструкцию конкретизировал и осуществил на практике.

Только-что закончилась война со Швецией. Начинался четвертый год русско-турецкой войны. Интриги Пруссии, испуганной быстрым усилением международного значения России, и политические тучи, сгущавшиеся над монархической Европой в связи с революцией во Франции, грозили новыми осложнениями на Западе. Внутри страны чувствовалась усталость от длительных войн. В этих условиях настойчиво требовалось закончить скорее войну с Турцией, но для этого надо было скорее добиться какого-нибудь крупного, решающего военного успеха, чтобы принудить Турцию к переговорам о мире. Перед русскими войсками была поставлена задача взять турецкую крепость Измаил.

Измаил имел важное стратегическое значе-

ние. Расположенный на северном берегу Дуная у его устья, Измаил закрывал путь судоходству по Дунаю и преграждал путь как на запад — в область Валахии, так и на юг — за Дунай, на Балканский полуостров. Турки понимали значение Измаила и укрепили его по всем правилам современной техники при содействии лучших французских и немецких инженеров, сделавших Измаил одной из самых мощных европейских крепостей того времени. Рядом со старой каменной крепостью выросла новая каменная крепость с рядом опорных башен и снабженных мощными укреплениями ворот. Впереди внутренней системы обороны была вынесена внешняя оборонительная линия с сильными валами в 6—8 м высоты и глубоким рвом в 6—10 м глубины, залитым водой, и с 7 сильными бастионами для обороны ворот. Задняя сторона крепости опиралась на Дунай, но поэтому не имела вала. С западной и восточной стороны система рва и вала дополнялась условиями местности — изрезанной овражками, заболоченной и покрытой мелким колючим кустарником или кукурузой. Только к северу открывалось более широкое и ровное пространство и сюда выходили главные — Бендерские — ворота крепости; здесь и были сосредоточены главные средства обороны. В крепости находилась большая турецкая армия численностью около 40 000 человек под командой Айдозли-Мехмет-паши, обеспеченная большими запасами военного снаряжения и продовольствия.

Осенью 1790 г. русская армия свыше двух месяцев безуспешно осаждала Измаил и уже готовилась снять осаду и отступить. Тогда главнокомандующий южным фронтом князь Потемкин решил прибегнуть к последнему средству — этим средством был Суворов. Суворов прибыл под Измаил 2 декабря. Он понимал всю трудность и ответственность положения и со всей ясностью выразил это в приказе по армии, отданном 9 декабря:

«Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам предлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решает судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз, или победить или умереть со славою».

В своем распоряжении Суворов имел менее 30 000 войска, уступая численно неприятелю, оборонявшему Измаил. Около половины этого числа составляли нерегулярные казацкие конные части, мало пригодные для операций по штурму крепости. Эту преобладающую часть армии Суворов развернул на севере для демонстрации против главной передней части крепостных укреплений, а тяжесть непосредственного штурма укреплений легла в основном на другую по-

ловину суворовской армии. Кроме того, Суворов получал в основном новые войска, еще не прошедшие его, суворовской, выучки. И тут Суворов применяет совершенно новое, впервые осуществленное в военной практике мероприятие: напротив подлинной крепости Измаил, прямо на виду у его защитников, неожиданно вырастает новая искусственная крепость со стенами, валом, рвом; своего рода макет Измаила. На глазах у защитников крепости русские солдаты начинают тренироваться в искусстве штурма, учатся предстоящим операциям против Измаила. Один из турецких солдат, Ибрагим Нура, показывал впоследствии при допросе в Константинополе: «Мы бы устояли, мы дважды до этого отгоняли русских от крепости, но русские были быстры и незаметны, было еще темно, когда они пошли на нас, а перед тем,—это очень пугало сераскира (т. е. турецкого генерала.—Н. Р.),—их генерал построил на площади деревянную крепость по образцу нашей и учил своих солдат влезать на стены без лестницы».

Подготовив таким образом войска, тщательно изучив оборонительную систему крепости и разработав план штурма, Суворов 7 декабря послал туркам ультиматум о сдаче крепости в характерном суворовском стиле: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками прибыл. Двадцать четыре часа на размышление—воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм—смерть. Что оставляю вам на размышле-

ние». Сераскир ответил весьма торжественно, что скорее Дунай потечет назад и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил. Но тут же он предложил перемирие на десять дней, чтобы ему снестись с великим визирем, очевидно, для оттяжки времени. Это предложение не было принято Суворовым, и 11-го, еще до рассвета, русские войска двинулись на штурм крепости.

Как всегда, Суворов разработал подробную диспозицию для штурма, и вечером накануне штурма солдатам подробно раз'яснял задачи и план операции. Сам Суворов об'езжал лагерь и беседовал с солдатами. Результат был блестящий: даже там, где солдаты оставались без командира, например у убитого Мекноба, они самостоятельно выполнили «свой маневр», поставленное перед ними задание. Атакующие войска были разбиты на девять колонн. Три колонны, под общим командованием де-Рабаса должны были высадиться на берегу Дуная и атаковать крепость с юга. С востока действовали колонны Орлова, Платова и Кутузова, который под Измаилом снова, в третий раз, служил под начальством Суворова; с запада — колонны Мекноба, Ласси и Львова. На колонны Львова и Кутузова возлагалась ответственная задача — овладеть южными угловыми бастионами и обеспечить с флангов действие основных десантных сил. Особенно трудная задача падала на Кутузова, действовавшего против наиболее сильного, укрепленного участка новой крепости.

В тщательно разработанной инструкции предусматривались все детали. Было определено количество фашинов, т. е. связок сучьев, которые солдаты должны были нести для заполнения рва, количество и длина лестниц для овладения укреплениями. Расчеты и диспозиция были составлены с такой точностью, что только в части полковника Мекноба, вышедшей севернее участка, указанного ей по плану и очутившейся перед более высоким бастионом, лестницы оказались слишком короткими. Войско выступило еще ночью в 3 часа, под покровом темноты, чтобы к рассвету подойти уже к самым укреплениям. Сигналом для одновременных согласованных действий была ракета; а для того, чтобы усыпить бдительность осажденных, такие ракеты пускались в русском лагере несколько ночей подряд.

К 5 часам утра войска всюду подошли к крепостному рву и начали одновременно штурм по всей линии крепости. К 9 часам утра русские войска овладели крепостным валом почти на всем его протяжении. Внешние крепостные ворота были открыты и через них хлынула внутрь русская конница. После этого разгорелся бой за стены внутренней крепости. Бой носил исключительно ожесточенный характер, но к 1 часу дня крепостные стены также были заняты русскими войсками. Бой продолжался еще на улицах города за отдельные улицы и дома. В результате свыше 30 000 турок было перебито,

около 9000 взято в плен; только немногим удалось спастись из крепости. Сам Суворов заявлял впоследствии, что на операцию подобного рода можно решиться лишь один раз в жизни. «Не бывало крепости крепче, не бывало обороны отчаяннее Измаила, но Измаил взят», — официально сообщил Суворов.

Итальянский поход

Итальянский поход 1799 г. и легендарный переход через Альпы, явился подлинным венцом полководческого искусства Суворова. В то время Италия считалась владением австрийских императоров, но была занята французскими войсками: армия Шерера — около 58 000 войска — занимала большую часть юга Ломбардии; армия Макдональда — 35 000 — действовала в средней Италии. Австрийцы сосредоточили в восточной части Ломбардии армию в 86 000 человек и сюда же прибыл в начале апреля Суворов с армией в 37 000 человек. Здесь рядом с Суворовым мы застаем его учеников — будущих героев отечественной войны 1812 г. — Багратиона, ближайшего помощника Суворова, и Милорадовича. Численное превосходство союзной армии было, однако, чисто условным. Австрийские армии, руководимые своекорыстными бездарными директивами австрийского штаба, непрерывно нарушали распоряжения Суворова и тормозили его деятельность. Вот почему в главных сражениях

Суворова в Ломбардии численный перевес оказывался фактически на стороне французов.

Первое крупное сражение на р. Адде, которое должно было открыть союзным армиям путь к сердцу Ломбардии — Милану, произошло на р. Адде.

Верный принципам своей «Науки побеждать», Суворов и здесь начал прежде всего с некоторого перевоспитания поступившей под его командование австрийской армии. Выше был приведен указ, данный им под Валеджино, стремившийся изменить взаимоотношения внутри австрийской армии, поднять активность и сознательность ее младших командиров и рядового состава. Полководец назначил также, несмотря на недовольство обиженных австрийских генералов, в австрийские части русских офицеров для тренировки солдат по суворовской системе.

Операции развернулись с исключительной стремительностью. 3 апреля Суворов прибыл в Верону, 10-го — занял Брешию, 14-го разыгралось первое генеральное сражение в Ломбардии — бой на реке Адде. Численное превосходство было на стороне французов. Старый генерал Шерер незадолго до этого был заменен молодым, но уже выдвинувшимся своими военными способностями генералом Моро. Французские войска были растянуты на значительном протяжении около 100 км, но занимали крепкую позицию, на которой в 1705 г. французы успешно отбили сильную австрийскую армию под командой од-

ного из выдающихся европейских полководцев—Евгения Савойского. Их правый фланг опирался на позиции у Лоди при впадении Адды в р. По, левый фланг занимал позиции у Треццо и Бривио, упираясь к северу в южные предгорья Альп; в центре войска были сосредоточены на обороне решающего участка предместных укреплений и моста через Адду у Кассано и Ваприо. В решающий момент Моро, сменивший Шерера, решил собрать сюда основные силы, оттянув их с флангов. Однако Суворов энергичной демонстрацией имобилизовал левый фланг противника у Треццо, а затем решительным ударом на главном участке фронта сломил центр противника у Кассано, форсировал переправу через Адду и вынудил французов к беспорядочному отступлению. Еще через три дня, 17 апреля, был взят Милан. Победа военная была закреплена победой политической, и Суворов показал всю широту своего военного дарования—умение развивать стратегические успехи средствами политики и дипломатии.

Вслед за этим Суворов наметил последовательный план действий для полного военного разгрома врага. Однако этот план натолкнулся на решительное сопротивление австрийского штаба. Последний был поглощен мелким своекорыстным политиканством — он спешил с восстановлением своей власти в отдельных городах Ломбардии, не понимая далеко идущей вперед стратегии Суворова. В результате союзная

армия, находившаяся в Ломбардии, раскололась: австрийские войска, составлявшие самую многочисленную часть армии Суворова, занялись осадой отдельных крепостей. Тогда Суворов, овладев важнейшими позициями в западной части Ломбардии, заняв Турин, расположился на центральной позиции у Александрии и отсюда стал пристально следить за движением французской армии. В это время армия Моро, ожидая подкреплений, расположилась на побережье, в районе Генуи, а армия Макдональда направлялась из Средней Италии на север, чтобы спасти положение французских сил в Ломбардии. Из двух возможных вариантов—попытки непосредственно соединиться с Моро или самостоятельно двинуться внутрь Ломбардии для удара по австрийским армиям у Пьяченцы и Мантуи с последующим наступлением на левый фланг армии Суворова, — Макдональд избрал последний. Он рассчитывал быстрым движением поставить войска Суворова под одновременный удар своих войск с востока и армии Моро — с запада.

Так определилось положение к началу июня, когда войска Макдональда вышли в Ломбардию в направлении на Пьяценцу и начали теснить австрийские войска к р. По.

Выяснив план противника, Суворов быстро принял свое решение. Оно состояло в том, чтобы стремительным ударом разгромить главные силы противника, предупредив выступление армии Моро на соединение с Макдональдом. Вы-

ступив 4 июля из Александрии, Суворов, как не раз бывало в прежних кампаниях, совершил за два дня переход в 80 км и очутился на берегу р. Тидоны, а после перехода ее вышел к р. Треббии. Здесь 6—8 июля разыгралась самая кровопролитная битва итальянского похода Суворова, известная как битва на Треббии.

Русская армия Суворова прибыла на поле боя уже в ходе сражения французских войск с австрийскими, последовательно отступавшими к р. По, и прямо с марша вступила в бой, вынудив французов к вечеру 6 июля отойти за р. Тидону, позади которой в долине р. Треббии и разыгралось главное сражение 7—8 июля. Армия Суворова, введенная в бой, численно уступала французской армии, насчитывая около 30 000 человек против 36 000 у Макдональда. Решило дело качество русской армии и четкость и ясность стратегического плана Суворова. В обоих главных сражениях в Италии Суворов твердо следовал тому основному принципу, который он примерно в это же время сформулировал в письме к австрийскому генералу Готце: «Истинное правило военного искусства—прямо напасть на противника с чувствительной для него стороны», а затем требовалось уже «стремиться к одной главной точке и забывать о ретираде». Этот принцип определил основное построение русской армии. В борьбе с французской армией, воспитанной уже на новой стратегии послереволюционной Франции, Суворов избрал путь пря-

мого сокрушительного удара. Это отличалось от стратегии, применявшейся им ранее в борьбе с турками. Суворов правильнее, чем Макдональд, сумел понять и оценить противника. В то время как Макдональд сосредоточивал свои лучшие части для сложных фланговых ударов, Суворов, прикрыв левый фланг казачьей дивизией Грекова, а правый—конницей Карачая и Молчанова, двинул в центре главные силы под командой одного из лучших своих генералов, Розенберга, и поручил авангард Багратиону. В результате упорного боя был нанесен решительный удар войскам Макдональда. Они потеряли около половины своего состава. В ночь на 9 июля Макдональд признал свое поражение и отступил на восток, отказавшись от соединения с войсками Моро. В то же время Суворов развязал себе руки для действия против последней французской армии в Ломбардии, и на этот раз уже при значительном численном превосходстве. В этих условиях и разыгралась 4 августа битва при Нови.

Если обычно Суворов сам открывал военные операции, то на этот раз, в целях обеспечения максимальных результатов, он принудил к открытию военных действий своего противника. Во главе французской армии стоял теперь генерал Жубер, а Моро был у него в подчинении. Французская армия пополнилась, и, доведенная примерно до 45 000 человек, занимала равнинное побережье Генуэзского залива, прикрытое с севера горными возвышенностями с узким проходом у

Нови. Этим создавались невыгодные условия для наступательных действий русского войска. Но после поражения Макдональда и положение французских сил в Ломбардии значительно осложнилось. Надо было предотвратить падение последних опорных крепостей и установить связь с швейцарской армией Массена. И Жубер, используя полученные подкрепления, решил перейти к активным действиям.

Однако, выйдя на плоскую возвышенность впереди горного хребта, Жубер и Моро должны были убедиться в опасности подобного маневра перед лицом такого противника, как Суворов. Последний ждал предпринятого французской армией движения, и его армия уже была приведена в боевую готовность для разгрома врага. Французская армия сразу оказалась в полукольце русско-австрийского войска: с запада—армия Края и позади—армия Дерфельдена, с востока — армия Меласа с армией Розенберга в резерве; наконец, спереди — армия Багратиона и Милорадовича под личным руководством Суворова. В армии Суворова было 60 000 человек. Концентрическое действие всех колонн суворовской армии сразу связало выдвинувшиеся вперед французские войска и отрезало им путь к отступлению. В самом начале боя был убит Жубер. Сменивший его Моро не мог предотвратить неизбежной катастрофы. В битве при Нови французы снова потеряли половину своей армии.

Новая победа фактически отдала всю Лом-

бардию в руки союзников и открывала путь в самую Францию. Именно так рисовался дальнейший план военных действий Суворову, который всегда, как стратег, имел в виду окончательный разгром своего противника, конечную и решающую цель всей кампании. Но на пути осуществления этих планов снова встал военный совет — генеральный штаб австрийской армии. Занятое больше своими территориальными приобретениями, австрийское правительство не могло подняться до понимания широких идей суворовской стратегии, а австрийские генералы с завистью смотрели на успехи русского полководца. Как бы то ни было, операция в Ломбардии представлялась им в основном законченной. Они спешили освободить свои главные силы, действовавшие в Швейцарии под командой эрцгерцога Карла, и перебросить их на северный участок фронта, а Суворов получил в конце августа предписание перейти со своей армией в Швейцарию и принять на себя на этом новом фронте всю тяжесть борьбы с крупной французской армией Массена.

Переход через Альпы

Французская армия Массена насчитывала около 85 000 человек и была сосредоточена в центре Швейцарии фронтом с севера на юг, опираясь на Люцернское озеро. Союзная армия к началу сентября состояла из русского корпуса ген. Римского-Корсакова, численностью

свыше 35 000 человек, и австрийской армии генерала Готце, к которой примыкали с юга части генерала Линкена общей численностью около 30 000; с 21 000 солдат Суворова соединенные русско-австрийские силы в Швейцарии были бы доведены до 75 000 человек.

Суворову предстояло прежде всего перевести свою армию из Италии в Швейцарию. Перед ним открывались три дороги. Самой легкой и безопасной была самая длинная дорога через Тироль, выводившая в Швейцарию с востока. Самая короткая дорога проходила через снежный перевал вершину Сен-Готард, и была самой трудной и опасной. Суворов избрал последний путь. Но сделал он это отнюдь не из удалства, из желания преодолевать особые трудности, а потому, что для Суворова каждая военная операция всегда превращалась тотчас же в часть определенного стратегического плана. Так, переход через Альпы превращался у Суворова в часть операции по развертыванию генерального сражения в Швейцарии. В то время как на фронте развернулись бы бои между французской армией и армиями Римского-Корсакова и Готце, войска Суворова, согласно картографическим данным, сообщенным ему австрийским штабом, спустившись с Альпийских гор, должны были выйти к долине Швица, осуществить обход правого фланга французов и ударить на них с тыла. Эта диспозиция была немедленно сообщена Суворовым генералу Готце.

Учитывая наступление осени и положение в Швейцарии, с переходом надо было спешить. В последних числах августа войска Суворова сосредоточились у деревни Белинцоны, у подножья Альп, откуда должен был начаться переход через Альпы. Здесь австрийцы должны были сосредоточить снабжение для армии и необходимое количество мулов для его перевозки. Однако ни то, ни другое выполнено не было. Потеряв в ожидании около недели, Суворов должен был выступить, не дождавшись ничего, отправив часть снаряжения кружным путем и используя сам для перевозки плохо приспособленных для альпийских переходов лошадей.

Переход через Альпы начался 10 сентября. На пути к деревне Альторф, у Люцернского озера, откуда должен был открываться непосредственный выход в долину Швица, армии предстояло преодолеть три серьезных препятствия: перевал через Сен-Готард на высоте около 7 800 футов (почти 2 км); затем узкий природный туннель, протяжением около 80 шагов и в 4 шага шириной, известный под названием Урьер-лох; наконец—узкий Чортов мост, высоко перекинутый в горах через глубокое и тесное ущелье бурной реки Рейссы. На каждом из этих участков небольшая группа вражеских войск могла успешно остановить противника огнем своей артиллерии, держа под обстрелом узкую горную тропу. При этом Суворов имел перед со-

бой опытные, тренированные в горной войне воинские части генерала Лекурба.

В два дня передовая армия под командой генерала Розенберга, преодолев расстояние в 52 км, вышла на Сен-Готардский перевал. Предстояло последовательно освободить дорогу от преграждавших путь французов. И здесь снова выявилось все значение суворовской системы обучения. Хотя войскам впервые пришлось столкнуться со всеми трудностями альпийских переходов, сказалась общая тренировка в преодолении всех трудностей походного марша. Выделенный отряд добровольцев в 300 человек трижды совершил обход французских позиций по снежным альпийским скалам, без всяких дорог, и всякий раз, выходя в тыл выдвинутым французским частям, заставлял их бросать занятые позиции и открывать путь суворовской армии. Так оправдывалось на практике положение Суворова: «Где пройдет олень, там пройдет солдат, а где пройдет солдат, там пройдет и целая армия».

К 15 сентября переход был закончен, и вся армия Суворова собралась у деревни Альторф. Но здесь оказалось, что австрийцами были сообщены Суворову неправильные сведения — будто бы от Альторфа открывается прямое сообщение с долиной Швица, по которой Суворов должен был выйти в тыл французской армии. Большая долина Альторфа упиралась с юга и юго-запада в горный хребет, только-что прой-

денный русской армией, на восток протянулся горный хребет Рошток, а к северу ее отделяло от долины Швица Люцернское озеро. На противоположном берегу озера расположилась французская армия и в ее руках были сосредоточены все пловучие средства для переправы. Суворов не знал еще другого: накануне, 14 сентября армии Римского-Корсакова и Готце были наголову разбиты войсками Массена; сам Готце пал в бою, Римский-Корсаков отступил на северо-восток, а южная армия генерала Линкена, которая должна была непосредственно сомкнуться с армией Суворова, самовольно оставила свои позиции и отошла к востоку. Все это Суворов узнал лишь через два дня. X

Сейчас, в предположении предстоящего генерального сражения, перед Суворовым оставалась единственная возможность—немедленно приступить ко второму альпийскому переходу через Рошток, и выйти в Муоттенскую долину, откуда открывалась, наконец, дорога на Швиц. Новый переход потребовал два дня. А внизу, в Муоттенской долине русские войска уже ждала армия Массена, постепенно стягивавшаяся сюда против Суворова. Авангард Багратиона вынужден был прямо с марша вступить в бой с противником, расчищая дорогу армии. Французская армия сосредоточивалась к северу, готовясь к генеральному сражению.

В Муоттенской долине узнал Суворов о поражении швейцарской армии. Наступление на се-

вер к Швицу теряло теперь всякий смысл: оно лишь отдалило бы Суворова от его баз и облегчило бы сосредоточение против него численно значительно превосходящей армии противника. Те же соображения делали бессмысленным сохранение занятых позиций. Перед армией оставалась одна реальная возможность — пробиваться на восток, но это означало третий переход через Альпы без передышки и без надлежащего снаряжения. Тем не менее Суворов принял это единственно возможное с стратегической точки зрения решение. 18 сентября началось восхождение на гору Прагель, 20 сентября переход был закончен, и армия собралась в долине Глариса.

Новый переход был осложнен тем, что совершался в обстановке тяжелых боев с неприятелем. Багратион, попрежнему шедший в авангарде, должен был продвигаться с боем против выдвинувшихся к долине Глариса частей Молитора. А прикрывавший арьергард армии генерал Розенберг целый день выдерживал натиск войск Массена. Однако Багратион разбил части Молитора и очистил путь русской армии в долину Глариса. Тем временем и Розенберг отбросил с большим уроном войско Массена и укрепился на горном склоне. Французский командующий считал невозможным отход русской армии и стал энергично готовиться к сражению, намечавшемуся им на следующий день. Розенберг поддерживал его в этой уверенности, распространяя слухи о подготовке русской армии к бою. Но

ночью, когда основные русские силы уже достигли вершины и начали спуск, войска Розенберга бесшумно снялись со своих позиций и двинулись вслед за главными силами. Наутро Массена увидел перед собой совершенно пустой русский лагерь.

Выходом в долину Глариса заканчивалась собственно военная часть швейцарского похода Суворова. Однако солдатам приходилось воевать не только с французами, но и с природой. Завершение похода и окончательный выход на восток потребовал от русской армии еще одного перехода через Альпы. Этот последний переход через хребет Паниксер оказался и самым тяжелым; именно он и запечатлен на известной картине Сурикова. Вершина Паниксера имела более 2 км высоты и была выше всех тех хребтов, через которые лежал предшествующий путь русской армии. К тому же все более надвигались осенние холода. Наконец, переход совершался армией, уже проделавшей три альпийских перехода, продвигавшейся с боями и не получившей ни разу передышки. Большая часть лошадей пала в предшествующем пути; снаряжение пришлось либо бросать, либо тащить солдатам на себе. Вершина горы уже полностью обледенела, а идти нужно было часто напрямик, без всякой дороги. Зачастую приходилось просто садиться на лед и скользить вниз почти по отвесу, рискуя провалиться и погибнуть в бездне. И все-таки русский солдат героически преодолел

эти трудности. А Суворов, 70-летний старик, разделял эти трудности наравне со всеми своими солдатами.

24 сентября закончился последний альпийский переход. За две недели русская армия совершила четыре горных перехода, выдержала ряд боев с французской армией и справилась со всеми трудностями. Из 21 000 человек, выступивших из Италии, Суворов вывел свыше 15 000 человек и еще привел с собой 1500 пленных французов. По образному выражению самого Суворова, «русский штык прорвался через Альпы». Французский полководец Массена, один из наиболее выдающихся маршалов Наполеона, говорил впоследствии, что он отдал бы все одержанные им победы за один суворовский переход через Альпы. Слава этого суворовского перехода, слава русского оружия разнеслась по всей Европе.

Только царское правительство прошло мимо нее.

З а к л ю ч е н и е

Швейцарским походом закончилось участие России в войне против наполеоновской Франции. Недовольный своими союзниками, русский император Павел I вышел из коалиции. Русская армия была отозвана. Вместе с тем не нужен был больше и Суворов, а значит и те уступки на которые пришлось пойти царскому правитель-

